

Линь Цзинье схватился за лоб:

— Ты действительно сделал это специально!

Феромоны омеги были очень неразумной вещью, и хотя Линь Цзинье не мог отличить феромоны, испускаемые омегой в разных состояниях, он видел тех бедных альф в военной академии, которые потеряли над собой контроль из-за феромонов омеги.

В Лазурном был специальный курс по сопротивлению феромонам для альф, готовящихся стать профессиональными солдатами. В конце концов, человеческое тело — не очень надежная вещь, и нельзя полностью застраховать себя от болезней, включая ежедневные несчастные случаи, когда у товарища-омеги внезапно начинаются месячные.

Конечно, на этой тренировке он тоже сжульничал.

В первый раз, когда он был в классе, альфа-студенты вокруг него так покраснелись, что им приходилось бить себя по губам, чтобы сохранить рассудок, но он сидел тихо и имитировал очень тяжелое дыхание, но омега-медик-инструктор в том классе не поверил в это и послал в него феромоны, отчего весь класс наполнился звонкими пощечинами.

Вот оно, возмездие, подумал Линь Цзинье, разве это не расплата за его притворство?

Под сознательным контролем Лэй Эня эти феромоны не давили сразу, а постепенно охватывали пространство вокруг него. К тому времени, когда Линь Цзинье понял, что происходит, его сердцебиение и температура тела уже давно вышли из-под контроля.

Тогда Лэй Энь "взволновался" и спросил:

— Что с тобой, травма снова разболелась? Подойди и позволь мне проверить ее!

И затем, с величайшей естественностью, он начал снимать его ремень.

...Я просто невезучий бета, подумал Линь Цзинье, почему я должен испытывать этот драгоценный опыт омеги!

Он слегка приоткрыл губы, его дрожащие руки не могли оттолкнуть Лэй Эня, его все более тяжелое дыхание звучало точно так же, как он слышал тогда от других на уроке в классе.

Возможно, даже сильнее.

Потому что он имел дело не с омегой-инструктором, ни один омега-инструктор не имел

возможности воздействовать на него феромонами, и единственным омегой в мире, который мог это сделать, был тот, чья фамилия была Лэй, а имя — Энь.

Он начал чувствовать слабость в руках и ногах, но не мог найти место, чтобы опереться в пушистых подушках под собой.

Поэтому Линь Цзинье решил подойти поближе: он медленно прислонился лбом к плечу Лэй Эня и закрыл глаза.

Лэй Энь обнял его, слегка опустил голову и наконец-то попробовал розовую мочку уха, которую так долго жаждал.

В иллюминаторе всегда светило солнце, пока место, где они парили, не погрузилось в ночь, и внизу не загорелись разноцветные огни тысяч домов.

Те, кто давно привык к военным кораблям дальнего космоса, никогда не чувствовали ничего особенного на земле, а маленький корабль среди звезд пах скорее домом, чем холодом космоса.

Он действительно пах как дом.

Линь Цзинье лежал на спине в куче подушек, мягкий аромат шоколада заполнял каждый сантиметр воздуха и, естественно, навевал лень. Его разноцветные глаза слегка прищурились и спокойно смотрели на Лэй Эня, который колот себе в руку ингибитор.

Красные пятна в уголках его глаз не рассеялись, влага все еще оставалась на его слегка трепещущих ресницах.

Лэй Энь взял одеяло, которое только что испачкал Линь Цзинье, и, казалось, был особенно доволен им, в то время как невезучий бета, застрявший в куче подушек, не чувствовал ничего, кроме того, что оно покрыто чем-то подозрительным и его нужно бросить в стиральную машину.

Но, похоже, это и было одним из первоначальных намерений Лэй Эня: одеяло осталось чистым, и Лэй Энь взял его специально, чтобы вытереть руки.

Линь Цзинье медленно сел, под открытым глубоким V-образным вырезом все еще сохранялся сочный розовый цвет, так что он схватил подушку, чтобы прикрыться, и хрипло спросил:

— Маршал, вы можете вернуть мои брюки?

Не моргнув глазом, Лэй Энь ответил с честным лицом:

— Я думаю, что эту пару пора постирать, поэтому убрал их, я позже дам тебе новые.

Линь Цзинье: ...

Забудьте, эта красота может обмануть целую страну, кто сделал маршала таким красивым?

— Не пора ли нам вернуться, у нас есть дела завтра.

Лэй Энь небрежно налил стакан воды и протянул ему, сказав:

— Ну, если бы у нас не было завтра дел, ты бы их придумал...

Линь Цзинье посмотрел на него с ничего не выражающим лицом.

Затем он весь покраснел.

Затем он тупо повернулся и зарылся в подушки, игнорируя его.

Декан Ли прав, сила одинокого старика ужасает, особенно маршала, у которого такой жесткий стиль командования, он без раздумий бросается в битву с врагом, но и дома он ведет себя как сумасшедший.

Небесный Меч не был побежден с тех пор, как вступил в войну, и он сражается быстро и открыто, глядя на цель и идя прямо в атаку, никогда не останавливаясь, пока враг не будет разорван на куски.

Линь Цзинье спрятал свое разгоряченное лицо в подушку.

Этот раз не стал исключением.

Новое одеяло накрыло его сзади, и Лэй Энь мягко улыбнулся и потрепал его по волосам:

— Поспи немного, я позову тебя, когда мы прибудем. Завтра мы должны провести церемонию запуска "Окрашенной звезды" и "Цзинье". Надеюсь, завтра передо мной больше не будут выскакивать всякие фарши, которым еще не надоело портить мне настроение. В конце концов, трудно постоянно быть в расстройстве во время физиологического периода.

Уши Линь Цзинье снова налились кровью.

Да, подумал он, теперь, если ты часто расстраиваешься, то мне действительно становится трудно.

Автору есть что сказать:

Маршал: Я посмотрю, кто побеспокоит меня на этот раз, кто осмелится прийти, того я точно отмечу!

Капитан: Маршал, оставь в покое свой физиологический период...

Военный врач: Физиологический период у нас, омега — зрелый физиологический период, он научился активно брать вину на себя!

[Маршал как будто играет в игру по строительству и выращиванию, да? У меня недостаточно сырья для строительства гнезда, поэтому я буду добывать его самостоятельно...]

<http://bllate.org/book/15644/1398561>